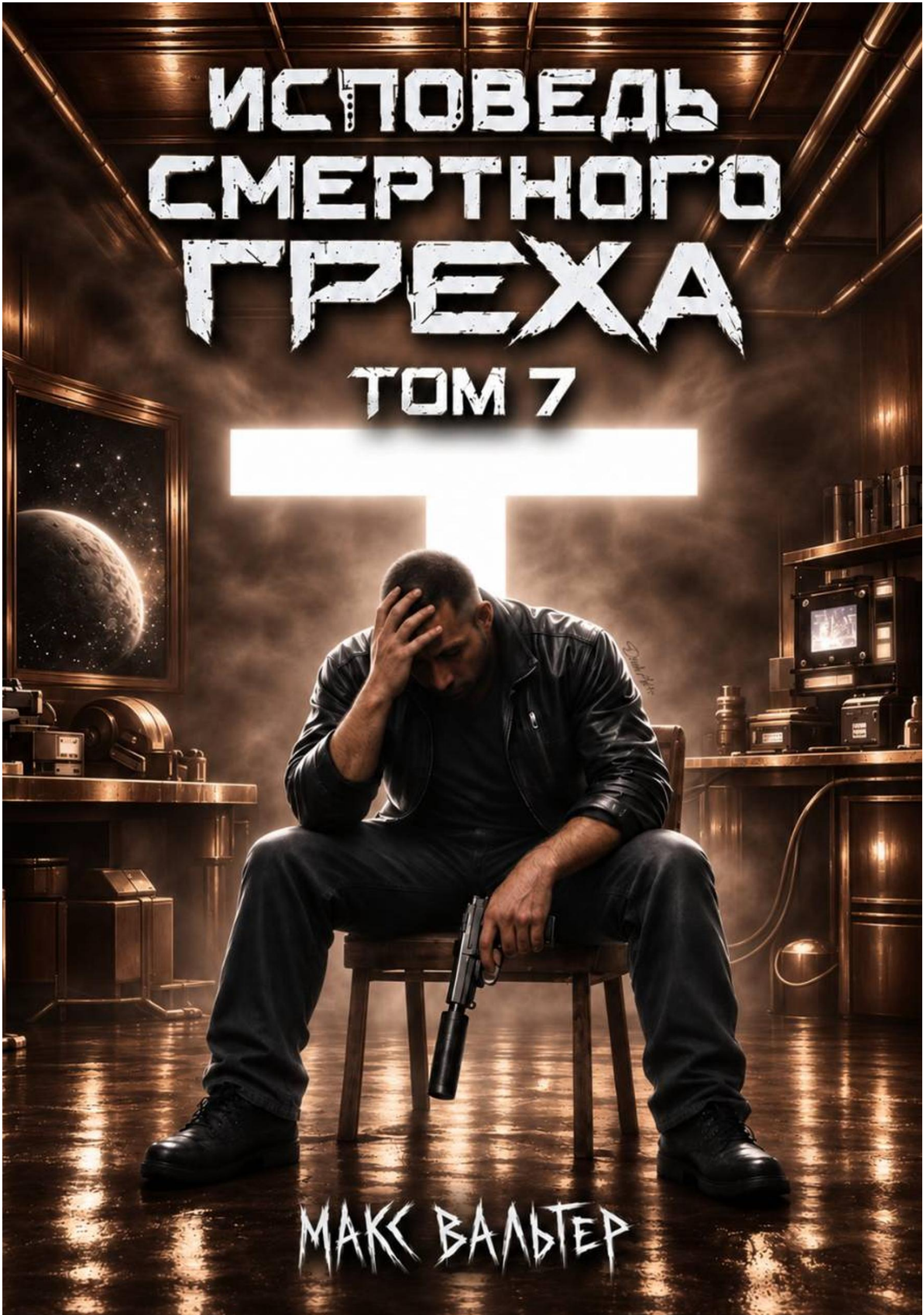

ИСПОВЕДЬ
СМЕРТНОГО
ГРЕХА
ТОМ 7
МАКС ВАЛЬТЕР

Зверинец

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 7

«Автор»
2026

Вальтер М.

Исповедь смертного греха 7 / М. Вальтер — «Автор», 2026 — (Зверинец)

Я искал оружие против роя, а привёз ведро золы. Пока я разбирался, где ошибся, рой уже прошёл через наши врата. И той же ночью белые вышли на улицы Таргона.Начинается настоящая война. Города горят, планеты гаснут одна за другой. А кто-то из своих сливает врагу каждый наш шаг.Чтобы победить, нужно оружие, которого ещё нет. И найти его придётся раньше, чем рой поймёт, что мы ищем. Вопрос лишь в том, какую цену я готов за это заплатить.

© Вальтер М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Макс Вальтер
Исповедь смертного греха 7

Глава 1

Что-то пошло не так

Инъектор коротко шикнул у шеи Чесалина. Тот даже не повернул головы. Сидел в кресле так же, как секунду назад, сцепив руки на животе, и смотрел на меня двумя гладкими белыми шарами.

Препарат ушёл в кровь.

Я видел, как медленно расслабляются плечи, как разжимаются пальцы и одна рука соскальзывает с живота на подлокотник. Глаза при этом не закрылись и не потемнели. Тело засыпало, но то, что смотрело сквозь него, засыпать не собиралось.

«Пульс падает, — отметил Каин. — Сорок восемь. Сорок четыре. Дыхание поверхностное, ровное. Активность коры почти на нуле. Но у него и до укола она выглядела не так, как у человека».

Второй в сером костюме подкатил капсулу к самому порогу. Матовая крышка ушла вверх, внутри открылось ложе, выстланное чем-то полупрозрачным, похожим на застывший гель. Двое подняли Чесалина из кресла под руки и под колени, бережно, как поднимают стеклянную вещь, и уложили внутрь. Голова легла на изголовье, белые глаза уставились в потолок коридора.

Крышка опустилась. Гул капсулы сменил тон, стал ниже и глуше, а на матовой поверхности загорелась ровная зелёная полоса.

Старший повернулся ко мне. За прозрачным шлемом я разглядел немолодое сухое лицо с аккуратной бородкой.

— Объект стабилен, — произнёс он через внешний динамик. — Забираем?

— Забирайте.

Он коротко кивнул, и четвёрка вместе с капсулой ушла по коридору к лифту. Двери за ними сошлись, и в гостиной стало так тихо, что я расслышал, как за окном проходит флайер.

На столике остались бокалы и мой пистолет, ровно там, куда Чесалин его положил. Под креслом всё так же поблёскивал выброшенный патрон. Я наклонился, поднял его и поставил на столешницу рядом с пистолетом, донышком вниз.

— Кари, — позвал я. — Выводи.

Дверь соседней комнаты открылась. Карина вывела Сотникова, по-прежнему держа его за локти, остановила посреди гостиной и вытащила из кармана нож. Короткий щелчок, и пластиковый хомут упал на ковёр.

Сота медленно свёл руки перед собой и принялся растирать запястья. Правая половина лица у него заплыла уже основательно, губа запеклась тёмной коркой. Он посмотрел на пустое кресло, потом на закрытую дверь, за которой только что увезли Чесалина, и только после этого на меня.

Я протянул ему руку.

— Спасибо.

Он пожал её крепко, коротко, и криво усмехнулся разбитым ртом.

— Рад был помочь. — Сота осторожно потрогал скулу. — Только в следующий раз пусть она бьёт вполсилы.

— Ты первый начал, — отозвалась Карина, разглядывая распоротый рукав куртки.

— Потому что ты на меня с крыши прыгнула.

— А ты мог бы не уворачиваться так старательно.

Сота хмыкнул и опустился на стул у стены, на тот самый, где сидел связанным. Только теперь развалился на нём свободно, вытянув ноги.

Через несколько минут в квартиру поднялись остальные. Первым вошёл Лёха, пригнув голову в проёме, за ним — Марта и Дашка. Квартира, которую я весь вечер держал пустой и тихой, разом стала тесной.

Лёха глянул на Соту, на Карину, на пустое кресло и присвистнул.

— Сработало, — сказал он.

— Похоже на то, — подтвердил я.

Дашка прошла к окну и остановилась, глядя вниз. На площадке перед домом серый транспорт без опознавательных знаков принимал в грузовой люк продолговатую капсулу. Через минуту борт поднялся и ушёл в поток над крышами.

— Он сказал «мы», — тихо произнесла она, не оборачиваясь.

— Сказал.

— И: «надеялись договориться».

Я не ответил. Подошёл к стойке, взял бокал Чесалина и посмотрел на то, что в нём осталось. Мохито давно выдохся, на дне лежала бурая кашица из напечатанной мяты. Я вылил всё в раковину и долго смотрел, как мутная вода уходит в слив.

Сколько мы их видели за эти два года? Сотни, тысячи. Белые в шахтах, белые в городах, обращённые бойцы, которые поворачивали головы синхронно. Ни один из них не сказал ни слова. Рой отвечал нам огнём, телами и состояниями, которые Каин переводил так, как переводят шум. И вот сегодня он впервые заговорил человеческим голосом и сказал, что хотел договориться.

А два года назад мы даже не понимали, с кем воюем.

***

Два года назад я вернулся на Таргон с ведром золы.

Баржа «Пояса» пришла на грузовой терминал под вечер. Инъектор отпустил меня ещё на орбите, но голова гудела до самого трапа, а во рту стоял привкус ржавчины. Мы с Кариной спустились в общей толпе грузчиков, прошли контроль под старыми личностями и вышли на улицу. Воздух висел таким же густым и кислым, каким я его запомнил. После Велены, где гарью пахло всё, от стен до людей, этот кислый запах показался мне почти свежим.

Команда ждала в гостинице. Санька и Дашку выпустили из капсул накануне: колония Сани наконец получила помощь, и кость срослась как положено, а Дашкина рука после укуса кутруга затянулась без единого следа. Об этом мне написала Марта, пока баржа шла от врат к орбите. И ещё добавила, что Мишка третьи сутки не отходит от Дашки ни на шаг и всех этим утомил.

Собрались у меня в номере. Мишка с Дашкой заняли кровать, Лёха устроился на полу, привалившись спиной к стене, Санёк сидел в кресле и демонстративно сгибал и разгибал правую ногу, будто проверял, не обманула ли его машина. Шурик с Мартой притащили стулья из соседнего номера.

— Ну? — Мишка подался вперёд, едва за нами закрылась дверь. — Где оружие? Показывайте давайте, мы тут все извелись.

Карина молча вытащила из сумки свёрнутую куртку, ту самую, что Ильич бросил ей у сараев, и положила на стол.

Номер тут же заполнил запах. Тяжёлый, едкий, въевшийся в каждую нитку запах костра и горелой смолы. Санёк поморщился и отодвинулся вместе с креслом. Лёха шумно втянул воздух носом и закашлялся.

— Это что? — спросил Мишка.

— Оружие, — ответила Карина и села на подоконник.

— В смысле?

— В прямом, Мих, — вздохнул я. — На Велене так воюют с белыми. Заражённые пятна засыпают золой. Одежду коптят над щепой, чтобы обращённые чуяли гарь и обходили человека стороной. Перед каждым спуском в выработки гонят дым, и те твари, что завелись внизу, сами лезут наверх. А там их встречают лопатой и отправляют в печь. Из печи снова зола. Хозяйство, говорят, замкнутое.

Мишка смотрел на куртку так, будто она могла объяснить больше, чем я.

— И всё? — спросил он.

— Угу.

— Мы ради этого морозились на Гарте?

— Выходит, что так, — подтвердил я и сел на край стола.

Лёха захохотал первым. Громко, от души, запрокинув голову к потолку. Через секунду к нему присоединился Мишка. Шурик фыркнул в кулак. Даже Санёк, который обычно смеялся последним, когда уже разобрал шутку на части, улыбнулся краем рта.

Не смеялась только Дашка. Она поднялась с кровати, подошла к столу, взяла куртку двумя пальцами за воротник и поднесла к лицу. Понюхала. Долго, как пробуют незнакомое блюдо. Потом положила обратно и посмотрела на меня.

— Кость, — сказала она. — А ты сам в это веришь?

Я посмотрел на куртку, потом на неё.

— Ильич верит, и вся Велена тоже. Они так живут уже не первый год.

— Я не про них спрашиваю.

Смех в номере стих не сразу. Лёха ещё хмыкал, утирая глаза, Мишка покосился на Дашку и попытался поймать её за руку, но она убрала ладонь за спину.

— Даш, ну ты чего? — Мишка развёл руками. — Работает же. Они там живы, план дают, тварей лопатами гоняют. Значит, работает.

— Помнишь шестнадцатый горизонт на Монолите? — спросила она, не глядя на него.

Мишка замолчал.

— А первые сутки вторжения? Тридцать тварей в лоб на западные ворота, чтобы мы стянули туда все посты. А потом основная масса с востока, ровно в тот сектор, откуда только что увели людей. — Дашка говорила ровно, быстро, загибая пальцы. — Третья волна через секцию, которую мы сами открыли под резерв. Турели. Они ложились под них нарочно, чтобы те ушли в перегрев за сорок секунд. Они считали наши перемещения быстрее, чем мы сами их планировали.

— Ну, считали, — буркнул Лёха. — И что?

— А то, что тот, кто за одну ночь научился выманивать две роты ШОКа, боится запаха костра? Это уже не смешно, а грустно.

В номере стало тихо.

— Щёлок, — неуверенно возразил Мишка. — Зола — это щёлочь, она реально разъедает оболочку. Химия есть химия, хоть ты какой умный.

— На пятне, — кивнула Дашка, — которое пять метров в поперечнике. И парень с ведром, подсыпающий золу по краю. Пусть так. А обращённые, которые обходят копчёного человека за сотню шагов? Дым в выработках, от которого твари сами лезут наверх, под лопату? Это не химия, Миш. Это поведение. А поведение у роя меняется за часы. На «Монолите» они к третьей волне уже знали, где мы откроем дверь.

Она замолчала и снова посмотрела на меня.

Я сидел на краю стола и молчал. Дашкин вопрос лёг куда-то глубже, чем мне хотелось, и вытаскивать его оттуда оказалось неприятно. Там, у отвалов на Велене, мне хватило злости, чтобы пнуть ведро, и не хватило ума, чтобы задать себе тот же вопрос.

— Сань, — позвал я.

Санёк перестал сгибать ногу и откинулся в кресле.

— Ильич не врёт, — сказал он сразу, будто держал ответ наготове. — Ты сам говорил: ведро, сараи, печь, парень с совком. Так спектакль не ставят, слишком скучно. Они правда так живут. И правда верят, что их спасает зола.

— Тогда что не так?

— Не так другое. Человек, который верит, что его спасает ведро, не задаёт вопросов, почему оно работает. Ему незачем. Он жив, и этого достаточно. — Санёк пожал плечами. — Если бы кто-то хотел, чтобы целая планета успокоилась и перестала искать, он не придумал бы ничего лучше.

— Кто-то, — повторила Марта.

Она всё это время сидела на стуле у двери, подобрав ноги, и молчала. Теперь выпрямилась.

— Кость, а у тебя те графики остались? Которые ты Потапову показывал. По четырём планетам.

«Каин».

«Вывожу».

Над столом развернулась проекция. Четыре кривые, по одной на каждую планету фронтира: Велена, Тарса, Кермет, S-97/14. Красным шли потери, синим — объёмы добычи. Я помнил эти графики до последней точки. Именно с ними я сидел в кабинете у Потапова и объяснял, почему «Пояс» нужен нам больше, чем литий.

Марта поднялась и подошла к проекции почти вплотную.

— Смотрите на Велену, — сказала она и ткнула пальцем в изгиб красной линии. — Восемь месяцев потери растут. Горизонт за горизонтом. Это период, пока планетой управляет «Рудкофф». Комиссия, образцы, приказ молчать и давать план. А вот здесь колония выходит из-под управления корпорации.

Кривая в этом месте ломалась. Красная линия падала втрое за один квартал и дальше шла ровно, почти горизонтально.

— Мы тогда решили, что шахтёры просто справляются лучше, — продолжила Марта. — Знают свои выработки, работают без комиссий и бумаг, действуют быстро. Красиво звучит. Только посмотрите, как резко она падает. Ни одна технология так не работает. Люди не учатся так быстро. Новую методику внедряют месяцами, а тут потери обрушились в первые же недели после смены власти.

— Совпадение, — сказал Шурик.

— На четырёх планетах сразу? — Марта переключила проекцию.

Тарса. Тот же рост, тот же излом. Кермет. S-97/14. Даты разные, рисунок один и тот же. Пока планета принадлежит корпорации, рой давит и потери растут. Как только её забирает «Пояс», давление падает почти до нуля. Четыре графика легли рядом, и смотреть на них оказалось тяжелее, чем на любую сводку с «Монолита».

— Люди не начали лучше воевать, — произнесла Дашка. — Это рой перестал нападать.

Лёха медленно поднялся с пола и встал за спиной Марты, глядя на проекцию поверх её головы.

— Погоди, — пробасил он. — Ты хочешь сказать, они им поддались? Белые? Шахтёрам?

— Я хочу сказать, что шахтёры с кирками не отбирают четыре планеты у второй по мощи корпорации в галактиках, — ответил за неё Санёк. — Не бывает так. У «Рудкофф» флот,

служба безопасности, наёмники, деньги. Против этого бунт на одной шахте держится неделю. А «Пояс» держит четыре мира. Мы все удивлялись, как у них это выходит. Вот как.

Я смотрел на четыре сломанные кривые, и в голове одна за другой вставали на место вещи, которые я давно разложил по полкам и перестал трогать.

Кабинет Михеева на «Монолите», карта врат во всю стену, красные и жёлтые узлы. Все до одного в зоне ответственности «Рудкофф». Мы тогда решили, что рой бьёт по корпорации, потому что сидит в её правлении и рвётся к вратам. А если посмотреть иначе? Рой выбивал «Рудкофф» с фронтира. Планету за планетой. Давил там, где хозяйствовала корпорация, и отпускал, как только приходил «Пояс». Сто процентов совпадения на четырёх мирах.

Шахтёры не отвоёвывали свои планеты. Им их отдавали.

— «Пояс» под ним, — сказал я вслух.

Никто не возразил.

— Не весь, — добавил Санёк после паузы. — Ильич не под ним. Петька с совком тоже. Ковтун, скорее всего, тоже нет, она слишком живая, я её на переговорах читал. Рядовые верят и воюют по-честному. А вот кто-то наверху, там, где решают, куда идти и с кем договариваться...

— Тонкий захват, — тихо сказала Карина с подоконника. — Как Синицын. Снаружи человек, внутри рой.

— Тогда зачем им Андрей? — спросил Шурик. — Зачем им вообще было лезть в «Орион», терять троих, искать нас, выпрашивать спасение?

— Андрея хотела Ковтун, — ответил я. — А «Поясу» нужен был договор. Сын просто стал ценой, которую заплатили мы.

Я сказал это и только потом сам услышал, что сказал.

Договор. Документ, который Нина Витальевна читала строку за строкой, будто проверяла, не подменили ли что-нибудь. Печать «Пояса», загоревшаяся над последней строкой. Льготный проход через врата на срок чрезвычайной ситуации. Логистика «Пояса» для переброски армий. Союз со щитом человечества. И я отправил его в «Заслон» в тот же вечер, с первым открытием врат в нужную сторону. До того как мы с Кариной улетели на Велену смотреть на это чёртово ведро.

«Каин. Документ дошёл?»

«Подтверждение о получении пришло трое суток назад. Договор принят канцелярией и вступил в силу. По каналам "Заслона" прошло распоряжение о льготном проходе судов "Пояса"».

Трое суток. Пока я пинал ведро у отвалов, корабли «Пояса» уже получили право ходить через наши врата. Через все наши врата. По льготному тарифу, на срок чрезвычайной ситуации. Я медленно опустил голову и посмотрел на свои руки. Те самые, которыми я вытаскивал Андрея со дна карьера.

— Кость, — позвал Мишка. — Ты чего?

— Договор вступил в силу, — ответил я. — Три дня назад.

Мишка открыл рот и закрыл его. Лёха выругался вполголоса, длинно и грязно. Дашка отвернулась к окну.

Рой полгода выбивал «Рудкофф» с фронтира, чтобы посадить туда своих. Потом ему понадобились врата. Он сидел в правлении «Рудкофф» и рвался к ним через слияние корпораций, но там мы ему помешали: убили Гиреева, убрали Лебедева и сломали аферу. Тогда он пошёл другой дорогой, и мы сами открыли ему дверь.

Первой молчание нарушила Марта.

— Надо докладывать, — сказала она. — Сегодня же. Это уже не наша операция, это война. Пусть решают те, кто может закрыть врата.

Она была права. По протоколу информация такого уровня уходила наверх в течение суток, и группа, которая её придержала, отвечала за каждый час молчания.

«Каин. Суда "Пояса" с момента вступления договора. Сколько прошло и куда».

«Сорок три борта за трое суток. Тридцать один грузовой, девять пассажирских, три без декларации груза, оформлены как порожний перегон. Двадцать шесть ушли вглубь сети, дальше фронтира. Конечные точки по декларациям: Таргон, Эридан, Сельва и ещё десять систем центра».

Я вывел сводку на общий экран. Марта прочитала её и больше не настаивала.

— Доложим, — сказал я. — Только не так, как по протоколу.

Все повернулись ко мне.

— Нас сдали на Гарте. Мы думали, через людей Ковтун. А теперь выходит, что у «Пояса» не нашлось бы ни одной причины нас сдавать: без Андрея договора нет. Значит, течёт с другой стороны. Через тех, кто читал мои отчёты.

Я смотрел на сводку и прикидывал. Напишу наверх, что «Пояс» под роем, и мой отчёт прочитает тот же человек, который прочитал отчёт про «Чёрный лебедь». Рой узнает, что его раскусили, раньше, чем Потапов соберёт совет и успеет прогнать через врата всё, что собирался, пока их для него не закрыли.

— Отправим несколько отчётов, — продолжил я. — Разным людям. Обычных, по протоколу, без единого слова про «Пояс». В каждом одна деталь своя. Потом посмотрим, какая всплывёт.

— Как с Димоном, — кивнула Дашка.

— Да. Только тут ловим не человека, а дыру.

— Какая деталь? — спросил Шурик. — Сводку о погоде рой ловить не станет.

Я посмотрел на куртку, которая всё ещё лежала на столе и наполняла номер гарью.

— На Велене я стоял у самого пятна. Плёнка, зола, ведро под ногами. Ничего не стоило взять пробу.

— Ты её не брал, — заметила Карина.

— А в отчёте возьму. — Я повернулся к остальным. — Пишу, что с Велены вывезены образцы плёнки, обработанной золой. Что ведут они себя странно, и «Пояс» сам не понимает почему. И что образцы ушли на анализ.

Санёк сел ровнее.

— Рой охотится за всем, что может его убить, — быстро проговорил он. — Лаборатории «Био-Фарм» разнёс. Синицын первым делом полез стирать диски. Узнает, что где-то лежит проба, которая ведёт себя странно, и обязательно придёт туда.

— А деталь в том, куда ушли образцы, — догадалась Марта.

— Три отчёта, три адреса, — подтвердил я. — Михееву по штатному каналу. В канцелярию Потапова через Аркадия Львовича. И в представительство «Заслона» здесь, на Таргоне, оно визировало договор. Каин, нужны три точки. Настоящие. Такие, куда образцы правда могли бы отправить.

«Исследовательский комплекс "Био-Фарм" на Эридане, профиль внеземной микробиологии. Архивное хранилище "Заслона" на Бастионе, это служебный узел связи и документооборота корпорации. Курьерский борт "Заслона", который через шесть суток уходит с Таргона на Линд со служебной почтой».

— Курьера Михееву, Бастион в канцелярию, Эридан в представительство, — распределил я.

Дашка уже набирала что-то в визоре.

— Отправлять нужно в одно окно, — сказала она, не поднимая головы. — Иначе кто получит первым, дёрнется раньше, чем остальные прочтут, и картина смажется.

— Ближайшее окно сегодня в два после полуночи, — сообщил Каин.

— Значит, в два.

Лёха всё это время стоял у стены, скрестив руки на груди. Теперь он подал голос.

— Кость. Ведь эти места настоящие. Лаборатория, хранилище, борт. Там люди.

— Знаю.

— Если рой туда придёт, он придёт не за пробирками.

Я выдержал его взгляд и ничего не добавил. Лёха постоял ещё немного, будто проверял, понимаю ли я, на что иду, потом кивнул и отвернулся к окну.

Расходились молча. Шурик с Мартой унесли стулья в соседний номер, Лёха ушёл за ними. Мишка у двери обернулся, хотел что-то сказать, но Дашка взяла его за руку, и он только махнул мне и вышел. Санёк задержался в проёме, глянул на куртку на столе и тоже ушёл, ни слова не сказав.

Карина осталась. Она пересела на подоконник, подтянула колено к груди и смотрела на город.

Таргон ночью выглядел совсем иначе, чем днём. Днём он казался грязным и серым, а ночью включался весь, до последней вывески: неон в несколько слоёв, голографическая реклама над крышами, бегущие строки на фасадах, прожекторы над грузовым терминалом. Город, где круглые сутки продают всё, что можно продать, свет не гасил никогда.

Отчёты я писал почти до полуночи. Текст во всех вышел одинаковым, разнились только адреса, куда якобы ушли образцы, и над этими строчками я просидел дольше, чем над всем остальным. Каин молча поправил пару формулировок, которые звучали не так, как я обычно пишу, и я с ним согласился. Папку поставил в очередь к двухчасовому окну.

Карина к тому времени уже спала, привалившись виском к стеклу. Я поднял её на руки и перенёс на диван. Естественно, она проснулась и потянулась, как кошка. А затем обвила мою шею руками и впилась в губы.

Момент, когда отчёты ушли по каналу связи, я пропустил. По уважительной причине.

***

Разбудил меня Каин.

«Помехи на всех частотах», — доложил он, едва я открыл глаза.

Номер заливал ровный неоновый свет с улицы, Карина спала рядом, положив голову мне на грудь.

«Какие помехи?»

«Щелчки, треск. По городской связи, по служебным каналам порта, по диспетчерским частотам транспорта. Ритм не случайный. Ту же структуру Дарья ловила на "Монолите" сквозь грунт».

Я поднялся и подошёл к окну. Над портовым районом огни горели так же ярко, как час назад. Только поток флайеров над грузовым терминалом вдруг рассыпался, машины рванули в стороны и полезли вверх.

Карина открыла глаза и поднялась с дивана, будто и не спала. Она тоже подошла к окну и обняла меня сзади.

— Что там?

Я не ответил. На освещённой улице у терминала распахнулись ворота склада, и из них выходили люди. Медленно и неровно, прямо под прожекторы, так что свет бил им в глаза.

Белые от макушки до ботинок.

Первый из них остановился посреди улицы и повернул голову в сторону нашей гостиницы.

Глава 2

Война

«Каин, буди всех. Общий сбор в меш, голосовой чат».

«Отправляю».

Белые у ворот склада больше не стояли. Они двинулись сразу во все стороны, неровно, но без единой заминки, будто каждый заранее чётко знал нужную улицу. Один свернул в переулок за складами, трое пошли вдоль причальной стенки, остальные потянулись вверх по проспекту, прямо под рекламные щиты, туда, где свет горел ярче всего, и скрылись за углом соседнего квартала.

— Кость. — Голос Мишки в канале звучал хрипло со сна. — Ты чего орёшь посреди ночи?

— В натуре! Три сорок, дыра тебя поглоти, — поддержал Саня. — Случилось чего?

— Подойдите к окнам, которые смотрят на порт, — сказал я. — Все сразу стянет ясно.

Секунд десять в канале никто не произносил ни звука. Потом Лёха коротко и грязно выругался.

«Каин, дай карту района. Склад, откуда они вышли, и всё, что вокруг. Подключи городские камеры, сколько достанешь».

Над подоконником развернулась проекция. Портовый район лёг передо мной объёмом: терминал, причалы, ряды складов, жилые кварталы выше по склону и проспект, рассекающий всё это на две части. Наша гостиница горела зелёной точкой в соседнем квартале от терминала. Склад, из которого вышли белые, Каин подсветил красным, а по улицам вокруг него поползли метки, собранные с уличных камер.

«Сколько их?»

«По камерам вокруг терминала насчитал двести сорок. Число растёт, из соседних складов тоже выходят. Средняя скорость — четыре километра в час, но несколько групп движутся быстрее. Через тридцать минут фронт займёт около восьми кварталов во все стороны».

«Дай радиус и добавь три квартала сверху».

Красное пятно на карте расползлось кругом. Порт, склады, жилой склон, половина проспекта и наша гостиница почти в самом центре.

— Сводку видите? — спросил я в канал.

— Видим, — отозвалась Дашка. — Кость, мы внутри.

— Знаю. Уйдём раньше, чем вокруг встанет линия. Сначала слушаем.

Мне требовались вооружённые люди и желательно — прямо сейчас. Своих сил у нас здесь не имелось никаких. «Заслон» официально о нас не знал, представительство держало пару охранников на входе, а «Пояс» после сегодняшнего вечера я бы не подпустил даже к двери.

Оставалась местная служба общественной безопасности. Она подчинялась администрации Таргона и слушала тех, у кого есть полномочия. А у закупщика проходческих комплексов, под чьей личностью я сюда прилетел, их не имелось вовсе.

«Каин. "Объединённый санитарный контроль". Кто у них сейчас на виду»?

«Вывожу».

В углу визора развернулась лента новостей. Брифинг двухчасовой давности где-то в центральных системах: серая стена с логотипом службы и жёлтой полосой, как на ботах, которые встречали нас на орбите Перекрёстка. У микрофона стоял сухой сутулый мужчина в форме без лишних нашивок. Подпись внизу: майор Седых Игорь Валентинович, руководитель оперативного направления.

«Структура его группы известна?»

«В открытых источниках указано, что направление работает выездными группами по шесть офицеров. Состав не публикуется. Могу проверить по нашей внутренней базе».

Значит, проверить, кто в этих группах, можно только через самого Седых. А тот сейчас ездит с брифинга на брифинг.

«Ищи, мне нужны полномочия. Ещё: свяжи меня с дежурной частью службы общественной безопасности Таргона. Личность подбери на ходу: капитан из группы Седых, фамилия любая, лишь бы не всплыла в реестрах».

«Капитан Ветров Андрей Ильич. Пакет служебных данных собираю».

Канал открылся через несколько секунд. В визоре появилось лицо дежурного: немолодой, с красными от бессонницы глазами, за спиной у него мелькали люди и мигали экраны.

— Дежурная часть, слушаю.

— Капитан Ветров, «Объединённый санитарный контроль», выездная группа майора Седых. — Я говорил ровно, без спешки. — Нахожусь в портовом районе. Подтверждаю вспышку заражения, тип «белые», очаг у грузового терминала, склады с седьмого по двенадцатый. Мне нужен старший смены группы реагирования.

Дежурный глянул куда-то в сторону, туда, где Каин уже подсунул ему мои служебные данные. Я видел, как дёрнулось его лицо, когда пакет прошёл проверку.

— Соединяю.

Ждать пришлось недолго. В визоре появился грузный, коротко стриженный человек с тяжёлой челюстью и погонами подполковника.

— Подполковник Гарипов, — представился он. — Капитан, у меня по порту сорок вызовов за последние десять минут. Люди пишут про каких-то белых зомби на улицах. Это то, о чём я думаю?

— Хуже, — ответил я. — Слушайте внимательно, подполковник, повторять и что-либо объяснять просто нет времени.

Каин тут же переслал ему карту.

— Красная зона — это очаг и всё, куда они дойдут за ближайшие полчаса, плюс три квартала запаса. Её нужно оцепить по всему периметру. Все силы, какие у вас есть. Перекрыть улицы, развернуть транспорт, закрыть воздушный коридор над районом. Белым, которые полезут на линию, стрелять по ногам. Пули их не убивают, они встают, но перебитые ноги держат их на месте, пока не срастутся. Это минуты, но вам хватит.

— Понял. Дальше.

— Дальше главное. Из зоны никого не выпускать. Ни одного человека.

Гарипов нахмурился.

— Капитан, там жилые кварталы.

— Каждый, кто сейчас внутри, может уже нести заразу, — пояснил я. — Снаружи вы этого не увидите. Ни сканер, ни медик не покажут, пока у человека не побелеют глаза. Выпустите одного, и через сутки у вас вспыхнет новый очаг на другом конце города. Поэтому линия закрыта для всех. Кто попытается прорваться, огонь на поражение.

Гарипов смотрел на карту. Я видел, как он водит глазами по красному кругу, и знал, на чём он сейчас остановится.

— В вашей зоне спальный квартал на склоне, — произнёс он глухо. — Семь жилых башен. Там около двух тысяч человек, и сейчас они спят. Вы приказываете мне стрелять в гражданских?

— Я приказываю вам не выпустить заразу. Две тысячи против двадцати миллионов, подполковник. — Я выдержал паузу. — Если они прорвут оцепление, через неделю у вас не будет ни порта, ни города. Зато появится ещё одна планета, о которой больше никто не напишет. Передайте людям в башнях закрыться в квартирах и не выходить. Это всё, что вы можете для них сделать.

Гарипов долго смотрел на меня. Потом что-то коротко передал кому-то за кадром и снова повернулся ко мне.

— Приказ записан, капитан. Под вашу ответственность.

— Принято, — ответил я и закрыл канал.

Карина всё это время стояла рядом у окна и молча смотрела на меня.

— Все слышали? — спросил я в меш.

— Слышали, — отозвался Санёк.

— Тогда по задачам. Саня, Лёха. Ваш продавец со стволами. Нужно всё, что горит и поджигает: плазма, зажигательные гранаты, огнемёты, термитные заряды. Сколько унесёте. Деньги не считать.

— Понял, — коротко бросил Лёха.

— Выходите прямо сейчас, через служебный выход, в сторону от порта. С продавцом связывайтесь на ходу.

— Уже идём.

Я перевёл взгляд вниз. У служебного выхода гостиницы открылась дверь, и на тротуар вышли Лёха и Санёк, на ходу застёгивая куртки. Они свернули в переулок, который терялся выше по склону и уходил прочь от терминала. Вскоре они уже скрылись за углом.

— Миха, Шурик. На вас дроны. Всё, что сможете поднять и взломать в радиусе: городские, частные, рекламные, неважно. Мне нужна картинка по всему кругу сверху, чтобы видеть, куда они идут и с какой скоростью. А как только Саня привезёт зажигательные, вешайте их на дроны. Будем жечь с воздуха.

— Сделаем, — ответил Мишка, и сна в его голосе уже не осталось. — Шурик, зацепи мои инструменты...

Вскоре из той же двери показались ещё двое: Мишка с рюкзаком на плече и Шурик, на ходу разворачивающий перед собой экран. Они пошли вдоль гостиницы к стоянке флайеров.

— Даш, Марта. На вас координация. Сводите всё, что дают дроны и служба безопасности, держите общую картину. И найдите подстанции, которые питают красную зону. Как только оцепление встанет, гасите там свет. Каждый фонарь и вывеску. Нам нужно задержать распространение хотя бы до рассвета.

— А люди в башнях? — тихо спросила Дашка.

— Сделаем всё возможное, чтобы минимизировать потери среди гражданских. В темноте белые встанут до утра, если их, конечно, никто не потревожит. Нам нужно подготовиться. А люди и без света посидят, ничего с ними не случится.

— Поняла.

— И ещё. Мои отчёты ушли в два. Поставьте три заявленные точки на наблюдение. Мне нужно знать, если с какой-нибудь из них что-то случится.

— Уже ставлю, — отозвалась Марта.

— Работайте из-за линии. Выходите следом за Мишкой.

Дашка с Мартой вышли через несколько минут. Я видел, как они пересекли улицу и сели в арендованный флайер, который Марта вызвала ещё на лестнице.

Улица под окнами пустела. Редкие прохожие оглядывались в сторону порта, откуда уже доносился вой сирен. Где-то за складами коротко простучала первая автоматная очередь.

Карина надела копчёную куртку, ту самую, что Ильич бросил ей на Велене, и застегнула под самое горло.

— Ты только что приказал стрелять в любого, кто выйдет из зоны, — заметила она, — А ведь мы тоже собираемся её покидать.

— Поэтому мы выходим сейчас, пока линии нет. Готова?

Она посмотрела на меня ещё секунду, потом кивнула и пошла к двери.

Я в последний раз глянул на карту. Метки с уличных камер ползли вверх по проспекту. Их стало больше, и шли они по склону, прямиком к жилым башням.

Лестницу мы прошли бегом. Лифт я трогать не стал: если в здании вырубят питание, а Дашка рано или поздно его вырубит, застрять между этажами мне хотелось меньше всего. В холле дежурный за стойкой прилип к окну и даже не обернулся, когда мы прошли мимо. Сумку с пистолетами, которую Лёха таскал за нами ещё с Гарта, я забрал из номера и на ходу перекинул Карине второй ствол.

На улице пахло портом, мокрым бетоном и чем-то сладковатым.

«Маршрут», — потребовал я.

«Вверх по склону, третий переулок налево, — отозвался Каин, — дальше дворами до проспекта Строителей. Там будет северная сторона оцепления. По камерам на маршруте меньше всего меток. Но меньше всего не означает "ни одной"».

Свет здесь горел везде. Вывески над закрытыми лавками, фонари над тротуаром, голографическая реклама на торце дома, где девушка в купальнике бесконечно открывала банку с газировкой. Мы шли быстро, хоть и не переходили на бег. Старались держаться ближе к стенам, чтобы держать прикрытой спину. Навстречу попались двое мужчин в домашних куртках поверх пижам, они бежали вниз, к порту. Туда, откуда выли сирены. Я не стал их останавливать.

Третий переулок вывел нас во двор между жилыми домами. Здесь светил всего один фонарь над детской площадкой и под ним, возле горки, стояли трое.

Белые. Двое мужчин и женщина в халате, босиком. Они стояли неподвижно, опустив руки, и смотрели в разные стороны. Свет фонаря падал им прямо на лица.

Я замер. Карина встала рядом.

«Обойти можно?»

«Через площадку другой дороги нет. Можно вернуться на три квартала до следующего прохода».

Три квартала назад означали потерю времени, которого у нас и без того в обрез. Я повёл головой вправо, вдоль стены дома, где тень от балконов ложилась на асфальт, и Карина поняла без слов. Мы пошли по краю двора медленно, стараясь не шуметь.

Женщина повернула голову первой. Потом мужчина рядом с ней. А через мгновение все трое разом развернулись и посмотрели прямо на Карину.

А ведь она была в той самой копчёной куртке, от которой за сотню шагов несло гарью.

Но белым почему-то резко стало на неё плевать. Они пошли прямо к ней. Без спешки, но и без единой заминки, точно так, как шли бы к любому другому человеку. Ни один из них даже не сбавил шаг, когда расстояние сократилось до десятка метров, и запах дыма уже обязан был ударить им в ноздри.

Карина вскинула пистолет раньше, чем я успел что-то сказать.

«Колени», — подсветил Каин.

Мы выстрелили почти одновременно. Женщина сложилась первой. Нога вывернулась под ней, и она упала на асфальт, не вскрикнув. Мужчину справа я снял двумя выстрелами, по одному в каждое колено. Третьего Карина достала, когда он уже был в четырёх шагах от неё. Видимо, до последнего надеялась, что запах гари должен её защитить.

Все трое лежали на асфальте и тянули к нам руки. Ползли медленно, упираясь локтями, волоча за собой перебитые ноги и при этом не выдав ни звука. Только шорох одежды по асфальту и тихий щелчок, когда одно из колен начало вставать на место.

— Уходим, — сказал я.

Мы обошли их по широкой дуге и свернули в следующий двор. Карина на ходу расстегнула куртку, стянула её с плеч и бросила на асфальт, даже не оглянувшись.

До проспекта Строителей мы добрались через двенадцать минут. Оцепление уже встало.

Поперёк проспекта выставили три бронированных фургона службы общественной безопасности. Между ними тянулись переносные заграждения, а за ними, в свете прожекторов, выстроились бойцы в тёмной форме. Человек двадцать, не меньше. Над линией висели два полицейских дрона, заливая асфальт белым светом.

Мы вышли к заграждению с поднятыми руками. Двое бойцов тут же навели на нас стволы.

— Стоять!

— Капитан Ветров, О-эС-Ка, — громко произнёс я. — Со мной офицер группы. Проверяйте.

«Каин, подставь нужные документы».

«Уже».

Старший на этом участке, молодой лейтенант с узким встревоженным лицом, направил сканер на мой чип, глянул в визор, сверил данные и махнул рукой. Заграждение сдвинули на полметра, ровно чтобы мы прошли боком, и сразу вернули на место.

Я обернулся.

Мы успели вовремя. По проспекту, снизу, со стороны порта, уже бежали люди. Сначала несколько человек, потом к ним присоединились ещё, и вскоре к заграждению вышла толпа, человек в сорок. Жители нижних кварталов кто в чём выскочили из домов: кто в куртке поверх белья, кто босиком. Женщина с ребёнком на руках, старик, которого вели под локти двое парней.

— Пропустите! — закричал кто-то из передних. — Там эти... твари! Пропустите!

Лейтенант посмотрел на толпу, потом на меня.

— Капитан, приказ был не выпускать никого. Но это же люди...

— Это люди из зоны, — ответил я. — Приказ остаётся в силе.

— Я не буду стрелять в гражданских.

Он сказал это громко, так, что услышала вся линия, и я видел, как бойцы рядом с ним опустили стволы. Всего на пару сантиметров, совсем немного, но этого хватило, чтобы толпа заметила.

Передние сразу навалились на заграждение. Его повело. Одна секция поехала по асфальту, и в образовавшуюся щель полез мужчина в спортивной куртке. За ним — сразу двое.

Я вынул пистолет и выстрелил.

Мужчина в спортивной куртке упал на колено и схватился за бедро. Второй выстрел пришёлся в плечо тому, кто лез за ним. Третьего я положил на асфальт буквально у самого заграждения.

Толпа на мгновение застыла. А потом вздрогнула и рванула назад. Люди кричали, толкали друг друга, кто-то упал и пополз. Женщина с ребёнком побежала первой, прижимая мелкого к груди. Через полминуты перед заграждением остались только те трое, которых я подстрелил, и чей-то ботинок посреди проспекта.

— Ты что творишь?! — взревел один из бойцов.

Здоровый сержант с рыжей бородой, сорвался с места и бросился на меня. Без оружия, просто с кулаками, со всей злостью человека, на глазах у которого только что стреляли в своих.

Понятия не имею, на что он рассчитывал.

Бил он широко, с размаха, от плеча. Я ушёл под руку, и кулак пролетел у меня над головой. Перехватил его за запястье, довернул, и сержант по инерции развернулся ко мне боком. Короткий удар в челюсть снизу, без замаха, ладонью. Голова у него мотнулась, ноги подогнулись, и он сел на асфальт, растерянно моргая и держась за лицо.

Двое его товарищей вскинули стволы, но лейтенант рявкнул на них раньше, чем кто-то успел нажать на спуск.

— Отставить!

Я убрал пистолет в кобуру. Сержант всё ещё сидел на асфальте, мотая головой.

— Капитан, — начал лейтенант, и голос у него дрожал от злости. — Я подам рапорт о...

Он замолчал на полуслове. Смотрел он уже не на меня, а за заграждение.

Мужчина в спортивной куртке, которому я попал в бедро, больше не держался за рану. Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в небо. Глаза у него медленно белели от краёв к центру, словно иней, который затягивает стекло. Через несколько секунд в глазницах остались два ровных матовых пятна.

А потом он сел. Опёрся на руки и поднялся на ноги. Простреленная нога держала его плохо. Он качнулся, но устоял и повернул голову к заграждению.

На линии стало так тихо, что я расслышал гул дронов над головой. Сержант с рыжей бородой перестал мотать головой и смотрел туда же, куда и все остальные. И до него постепенно начало доходить то, что я пытался донести словами всё это время.

— По ногам, — негромко сказал я.

На этот раз лейтенант не спорил. Он поднял ствол первым.

Белый в спортивной куртке упал второй раз, когда ему перебили обе ноги, и больше подняться не смог. Лежал за заграждением на спине, водил руками по асфальту и смотрел в небо пустыми глазами. Двое других, которых я подстрелил, отползали прочь, оставляя за собой тёмные следы, и один из них плакал в голос.

Лейтенант опустил ствол и долго смотрел на них. Потом повернулся ко мне.

— Сколько у него времени ушло? — спросил он хрипло. — С того момента, как вы в него попали?

— Важно другое, и вы обязаны это усвоить. Он вышел из зоны уже таким, просто ещё не знал об этом.

Лейтенант сглотнул и кивнул. Сержант с рыжей бородой поднялся с асфальта, вытер кровь с разбитой губы и встал обратно в линию, не глядя на меня.

— Кость… — Дашка вышла на связь, и голос у неё звучал собранно. — Подстанции нашли. Красную зону питают три узла, и я держу их все. Могу погасить в любой момент.

— Гаси.

— Делаю.

Свет ушёл не сразу. Первым погас дальний конец проспекта у порта: вывески, фонари, реклама на торцах домов. Разом, будто кто-то накрыл квартал чёрной тканью. Через пару секунд темнота докатилась до складов и терминала, а следом провалился склон с жилыми башнями. Портовый район лежал внизу чёрным пятном, и по его краям как ни в чём не бывало продолжали светиться соседние кварталы.

«Метки на камерах?» — спросил я.

«Камеры в зоне обесточены вместе с сетью. Работают только те, что на автономном питании, их меньше трети. Белые продолжают движение».

Я и сам это видел. Проспект за заграждением ещё заливали прожекторы оцепления, и в их белом свете, метрах в трёхстах ниже по склону, шли фигуры. Двадцать, может, тридцать, медленно и неровно, все к единственному свету, который остался в этой части города: к нам.

— Лейтенант, — сказал я. — Гасите прожекторы.

Он посмотрел на меня так, будто я предложил ему раздеться.

— Капитан, если мы выключим свет, то не увидим противника.

— Пока прожекторы горят, вы для них маяк. Гасите всё: прожекторы, фары, свет на дронах. Бойцам перевести визоры в ночной режим. Делайте что говорю!

Он помедлил секунду и отдал команду в канал.

Прожекторы на фургонах гасли один за другим, и вместе с ними с асфальта уходили белые круги. Дроны над линией выключили лучи и повисли в темноте тусклыми красными огоньками навигации. Проспект перед заграждением провалился во мрак.

«Ночной режим», — попросил я.

Мир окрасился в серое. Свет исчез, но силуэты всё ещё поднимались по склону туда, где он только что горел. Только шаги у них становились короче, а руки, до этого висевшие вдоль тела, начинали хаотично покачиваться. Женщина в длинном пальто, шедшая впереди, вдруг остановилась посреди шага, качнулась вперёд, прошла ещё немного и снова замерла.

Рядом с ней мужчина без куртки поднял ногу, да так и застыл, будто забыл, куда собирался её поставить. Потом нога всё же медленно опустилась на асфальт, и больше он не двигался.

Они засыпали прямо на ходу, по одному, в разных местах проспекта. Кто-то останавливался у самого бордюра, кто-то посреди дороги. Кто-то, не дойдя полшага до фонарного столба, замирал, протянув к нему руку. Дольше всех шёл последний, в ста метрах от заграждения. Каждый его шаг выходил медленнее предыдущего, пока он не остановился, наклонив голову к плечу, будто прислушивался к чему-то, чего не слышал никто из нас.

Над проспектом стало тихо, только дроны едва слышно гудели в темноте.

— Встали, — с облегчением прошептал кто-то из бойцов.

Лейтенант стоял рядом со мной, не опуская ствола, и смотрел на неподвижные фигуры. Я видел, как у него медленно расслабляются плечи.

— Они так до утра простоят? — спросил он, не поворачивая головы.

— Если их никто не потревожит.

— А утром что?

— До утра у нас уже будет чем их встретить.

Он кивнул, и в этом кивке впервые за всё время не читалось ни злости, ни сомнения.

Карина подошла сзади и встала рядом. Она молча смотрела на склон, где в темноте угадывались силуэты семи жилых башен.

Тишина продержалась минуту, может, чуть дольше. А затем на седьмом этаже ближней башни загорелся фонарик. Маленькая белая точка качнулась, пошарила по стеклу и замерла. Следом зажглись ещё несколько, выше и в соседней башне. Люди проснулись в темноте, без света и без связи, под вой сирен за окнами, и сделали то, что сделал бы любой: взяли в руки фонарь. Огоньки загорались по всем семи башням: в окнах, на балконах, на лестничных клетках.

Я перевёл взгляд на проспект.

Женщина в длинном пальто медленно подняла голову, а за ней и остальные. Заграждение и линию бойцов они даже не замечали. Все смотрели вверх по склону, туда, где в чёрных башнях дрожали маленькие белые точки.

Женщина в пальто сделала шаг.

— Твою мать, — выдохнул лейтенант.

«Даш. Вбрось объявление жильцам башен. Всеми способами, какие остались: локальная сеть домов, аварийное оповещение, личные визоры. Выключить свет. Любой. Немедленно».

«Делаю, — ответила Дашка. — Но, Кость, у половины визоры уже не работают. Вместе с электричеством ушла и связь».

«Стучись. Кто-то да услышит и передаст остальным».

Фигуры на проспекте уже тянулись к башням, медленные и сонные, одна за другой отрываясь от асфальта, на котором только что стояли. Карина рядом со мной не шевелилась. Отсюда мы ничего не могли сделать для людей на склоне, и оба это знали.

— Кость. — На этот раз в канал вышла Марта. Голос у неё звучал странно, так говорят люди, которые читают вслух то, во что не хотят верить. — Я прошлась по сводкам «Объединённого санитарного контроля». Только что пришло экстренное оповещение по всем системам.

— Говори.

— Таргон не один. За последний час вспышки зафиксированы ещё на двадцать одной планете. Порты, грузовые терминалы. И везде по одной схеме.

Карина медленно повернулась ко мне.

— Эридан в списке, — продолжила Марта. — Вспышка у исследовательского комплекса «Био-Фарм». Бастион тоже. А курьерский борт на Линд стоит в порту Таргона, у третьего причала, в самой середине красной зоны.

Я смотрел вниз, на чёрный провал на месте портового района, где у причалов стоял курьер с моим отчётом. Вверх по склону к дрожащим огонькам поднимались белые фигуры. Как и на других двадцати одной планете. В эту самую минуту такие же фигуры выходили из подобных складов.

Проверка сгорела, так и не начавшись. Рою не понадобились мои отчёты, чтобы начать войну.

Глава 3

Интерлюдия 1

Ресторан занимал верхний этаж старой башни на краю центральной площади Перекрёстка. Снаружи о нём знал и только те, кому положено. Ни вывески, ни голограммы над входом, ни записи в городском реестре заведений. Лифт поднимался сюда только по личному приглашению, а они рассылались реже, чем назначались члены совета корпораций.

Олег Михайлович Потапов сидел у окна за столом на двоих и смотрел вниз.

Площадь снова заполнилась протестующими. В прошлый раз люди пришли сюда требовать правды о фронтире, теперь они пришли с другим. Голографы над толпой горели тысячами, и даже с высоты сорокового этажа Потапов различал на них цифру, которая за ночь облетела все обжитые системы: двадцать два. Эдакий новый символ, которым ещё долго будут размахивать, когда речь идёт о злодеяниях корпоратов. Двадцать две планеты, вспыхнувшие одновременно. Названия городов, имена пропавших, вопрос «кто впустил?», написанный на десятке языков колоний. Цепочки оцепления вдоль представительств стояли теперь в шесть линий вместо четырёх.

Зал за его спиной пустовал. Всего двенадцать столов, все из цельного серого камня, отполированного так, что в нём отражались светильники. Стулья обтянуты настоящей кожей, тёмной и мягкой. Пол из широких досок натурального дерева, которое за годы приобрело медовый оттенок. Никакой лепнины, позолоты или картин. Только свет, камень и дерево, и на каждом столе хрусталь, белый фарфор и тяжёлое серебро приборов. Минимализм, на который уходили деньги, способные год кормить шахтёрский посёлок.

К столу подошёл официант. Живой. Немолодой мужчина в тёмном костюме, с прямой спиной и седыми висками, двигавшийся так тихо, что Потапов заметил его только по отражению в столешнице. В мире, где еду разносили боты, а в забегаловках на окраинах до сих пор катались старые модели с неродными манипуляторами, человек, который подаёт тебе бокал, стоил дороже коньяка в нём и стола вместе взятых. За это здесь и платили.

— Олег Михайлович, — тихо произнёс официант. — Вы готовы сделать заказ?

— Коньяк. Граммов сто. Но только земной и не моложе пятидесяти лет.

— У нас есть семидесятилетний, урожая сорок восьмого года. Из погреба в Шаранте. Последние восемь бутылок во всех галактиках.

— Подойдёт.

Официант поклонился и ушёл так же неслышно, как появился.

Потапов вернулся к окну. Где-то там, внизу, среди этих голографов, его люди уже собирали записи всех лозунгов, которые упоминали «Заслон». К утру их занесут в сводку и положат ему на стол. Он знал, что упоминаний будет больше, чем вчера. Связь между договором с «Поясом» и этой ночью видел любой, кто умел считать до трёх. Именно три дня назад «Заслон» открыл «Поясу» врата. А сегодня полыхнули двадцать две планеты.

Коньяк принесли в пузатом бокале на короткой ножке. Тёмный, почти янтарный, с тяжёлым запахом, в котором угадывались дуб, сухофрукты и что-то ещё, чего Потапов не смог бы назвать, хотя пил такое много лет. Он покачал бокал, дал напитку лечь по стенкам и сделал первый глоток.

Двери лифта разошлись без звука.

Виктор Сергеевич Бахин вошёл в зал так, будто входил в собственный кабинет. Грузный, широкий в плечах, с тяжёлой короткой шеей и большими руками. Он двигался неторопливо, но каждым шагом занимал пространство, словно живой экскаватор, который просто едет туда,

куда ему надо, и сносит всё, что не успело отойти. Костюм на нём сидел безупречно, и всё равно казалось, что под тканью у него не плечи, а станина.

Официант уже стоял рядом, отодвигая для него стул напротив Потапова. Бахин оглядел стол, мельком глянул на коньяк, на окно, на площадь внизу, и сел, не поблагодарив.

— Воду, — бросил он официанту. — Без газа.

Тот поклонился и исчез.

— Не пьёшь на работе? — спросил Потапов.

— На похоронах не пью, — ответил Бахин. — А у нас их сегодня аж двадцать две штуки.

Он сцепил руки на столешнице. Толстые пальцы, с короткими ногтями, а на тыльной стороне правой ладони старый шрам. Всё это говорило, что Бахин начинал на рудниках, прежде чем сел в кресло. Потапов никогда не проверял, правда ли это. Сейчас, глядя на эти руки, он в это верил.

Вскоре принесли воду в тонком хрустальном стакане. Бахин сделал глоток, поставил стакан и посмотрел на Потапова в упор.

— Надо же, сам прилетел, — произнёс он. — Без помощников и без совета. Значит, всё ещё хуже, чем пишут.

— Пишут по-разному.

— Например то, что три дня назад «Заслон» подписал договор с «Поясом». — Бахин говорил ровно, без нажима, будто зачитывал сводку. — А ещё о том, что ты дал им льготный проход через все свои врата. И сегодня ночью полыхнули двадцать две планеты. Люди на площади умеют складывать два и два, Олег Михайлович. Совет тоже умеет.

Потапов отпил коньяк и промолчал.

— Я долго не понимал одну вещь, — продолжил Бахин. — Откуда у шахтёров деньги? На суда, на оружие, на людей в портах, на конторы, через которые они арендуют ангары. Четыре планеты не удержишь на одной злости. Мои аналитики три года рисовали мне схемы, и все они обрывались одинаково: на посредниках, за которыми пусто.

Он сделал паузу, достаточно длинную, чтобы её заметили.

— А потом я подумал: кому выгодно, чтобы «Рудкофф» три года тушил пожар у себя на фронтире, вместо того чтобы заниматься делом? И схемы перестали обрываться.

— Интересная теория, — спокойно заметил Потапов.

— Теория, — согласился Бахин. — Пока она лежит у меня в сейфе. Если она ляжет на стол совета, это будет уже факт. Особенно сегодня.

Потапов поставил бокал на стол. Аккуратно, точно на то место, где он стоял, так что хрусталь едва слышно звякнул о камень.

Вот и первый козырь. Бахин выложил его рано, в самом начале, не торгуясь. Значит, давить он собирается всерьёз. Значит, ему тоже есть чего бояться, иначе он бы приберёг удар до конца разговора.

— Знаешь, Виктор Сергеевич, — произнёс Потапов, — про теории я тоже кое-что знаю. Например, про Велену.

Бахин не шевельнулся.

— Первый рапорт о заразе ушёл с четвёртого горизонта наверх через сутки после «несчастного случая». А через неделю прилетела комиссия, которая забрала образцы и исчезла. Зато шахтёрам спустили приказ: горизонт законсервировать, о случившемся не распространяться, план не снижать. Восемь месяцев люди белели в забоях, а твоя корпорация считала их несчастными случаями на производстве.

— Ты читаешь журналистов? Молодец...

— Я читаю рапорты, — поправил Потапов. — Журналист их только опубликовал. Те, что есть у меня, гораздо полнее.

Он посмотрел в окно, на площадь, на голографы, на одну из надписей, которую он узнал даже отсюда, потому что видел её в сводке ещё полгода назад. «Вы знали и молчали».

— Люди, которых так держат, поднимаются сами, — добавил он, не отрывая взгляда от толпы. — Им не нужны деньги, чтобы ненавидеть. Средства требуются только затем, чтобы эта ненависть дошла до чего-то осмысленного. Ты спрашиваешь: кто дал им деньги? А я спрашиваю: кто дал им повод?

Бахин усмехнулся. Коротко, одними губами.

— Красиво говоришь. Только толпа под окном не будет разбираться, кто и чего кому дал. Они спросят, кто открыл врата на двадцати двух планетах.

— Они спросят с нас обоих, — ответил Потапов и снова повернулся к собеседнику. — И отвечать придётся обоим. Ты за два года на Велене, я — за три дня договора. А к тому времени, как мы закончим друг другу отвечать, планет останется ещё меньше. У тебя и у меня.

Он помолчал.

— Мы можем продолжать до утра, Виктор Сергеевич. Ты расскажешь мне, откуда у «Пояса» деньги. Я расскажу тебе, кто растил с девяти лет мальчика по фамилии Шимохин и кто подписал ему рекомендацию в обход моей службы безопасности. Ты напомнишь мне про Гиреева и Лебедева, я напомню тебе, ради чего они скупали акции. Мы оба знаем всё друг о друге. Вопрос только в том, есть ли у нас на это время.

Бахин долго смотрел на него. Потом взял стакан с водой, повертел его в толстых пальцах и поставил обратно.

— Говори, зачем прилетел, — произнёс он.

Потапов коснулся края стола, и над камнем между ними развернулась проекция. Небольшая, настроенная на двоих, с защитой от посторонних глаз: со стороны пустого зала над столом висела только ровная серая муть.

— Я прилетел показать тебе, с чем мы воюем на самом деле.

Первой развернулась запись с визора. Серверная, ряды стоек, гул вентиляторов. Помятый полный мужчина в рабочем комбинезоне сидел за терминалом и быстро набирал строку за строкой. Голос за кадром, молодой и резкий, окликнул его по фамилии. Мужчина медленно повернул голову.

Глаза у него были белые. Два ровных матовых пятна, без радужки и зрачка.

— Валерий Синицын, — пояснил Потапов. — Администратор внутренних систем на «Монолите». Шесть суток жил среди выживших, ел с ними, работал, жаловался на поясницу. Никаких внешних признаков. А когда его попросили открыть данные «Био-Фарм» о рое, он запустил форматирование сервера.

Бахин смотрел на запись, не мигая.

Запись дошла до конца и замерла на кадре: белые глаза, повёрнутое к камере лицо, рука на голограмме терминала. Потапов не стал её убирать.

— Это первое, — сказал он. — Теперь второе.

Над столом развернулся документ. Сухие строки лабораторного журнала, шапка с логотипом «Био-Фарм», номера протоколов, подписи сотрудников, которых давно не было в живых.

— Журналы с Полигона-9. После слияния они у меня. Сотрудники описывали два исхода заражения. Первый ты видел в новостях: замещение тканей, остановка крови, белая шкура. Второй они назвали скрытой формой. Три случая среди лабораторного персонала. Физиология сохраняется, как и речь, навыки и память остаются при человеке. Он работает, ходит на совещания, подписывает документы и не догадывается, что внутри него сидит кто-то ещё.

Бахин читал медленно, шевеля губами на отдельных строчках, как читают люди, привыкшие проверять каждую цифру в договоре.

— И третье. Совсем свежее.

Потапов сменил проекцию. Ночной проспект, заграждения, линия бойцов в тёмной форме. Мужчина в спортивной куртке лежит за заграждением, держась за простреленное бедро. Глаза у него белеют от краёв к центру, а потом он садится и встаёт, качаясь на раненой ноге.

— Таргон, четыре часа назад. Этот человек вышел из зоны заражения своими ногами. Целый, живой, напуганный. Его пропустили бы через любой медицинский сканер, и тот ничего бы не нашёл.

Бахин досмотрел запись и откинулся на спинку стула. Кожа под его весом тихо скрипнула.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил он.

— Затем, что первые заражённые узлы на карте врат шли по твоей зоне ответственности. Все до одного. Затем, что твоя геологоразведка, по всей видимости, и притащила эту дрянь из чужой галактики. И затем, что существо, способное прятаться в человеке так, что его не найдёт ни один сканер, за столько лет наверняка нашло себе место повыше забоя.

Он сделал паузу.

— Я думаю, они сидят у тебя, Вить. В управлении, а возможно, даже в правлении.

Бахин долго молчал. Потапов не торопил. Он взял бокал, сделал небольшой глоток и смотрел, как собеседник переваривает услышанное. На лице у Бахина почти ничего не менялось, только тяжёлая челюсть чуть сдвинулась вбок, будто он что-то пережёвывал.

— А у тебя? — наконец задал ожидаемый вопрос он.

— И у меня тоже, — спокойно ответил Потапов. — Синицын работал на моей базе. Мои люди шесть суток ели с ним из одного котла. Я не знаю, кто из моего окружения сейчас смотрит на меня своими глазами, а кто чужими. И ты этого не знаешь. И проверить это нечем, ни тебе, ни мне.

— Удобно, — хмыкнул Бахин. — Ты прилетаешь ко мне и говоришь, что моё правление гниёт изнутри. Как я узнаю, что ты сейчас сам не один из них?

— Никак.

Бахин посмотрел на него в упор, и Потапов выдержал этот взгляд.

— Ты не можешь проверить меня, я не могу проверить тебя, — продолжил он. — Если эти записи лягут на стол совета, твои акции рухнут к утру, потому что все решат, что заражение пошло от «Рудкофф». Мои рухнут к обеду, потому что следом спросят про «Монолит» и договор с Поясом. А к вечеру толпа на площади поймёт, что заражённым может оказаться любой человек, который стоит рядом с ней. И тогда никакое оцепление в шесть линий уже не поможет.

Он кивнул на окно.

— Эта правда никому из нас не нужна. Сейчас она нужна только им.

Бахин перевёл взгляд на площадь. Внизу кто-то развернул особенно большой голограф, и над толпой зависла надпись в несколько метров высотой: «КТО ВПУСТИЛ?»

— Ладно, — произнёс Бахин. — Допустим. Чего ты хочешь?

— Того же, чего и ты. Чтобы у нас осталось, чем управлять, когда всё это закончится.

— Конкретнее.

Потапов поставил бокал.

— Конкретнее так. Мы прекращаем войну друг с другом. Твои люди сворачивают игру с акциями «Заслона», вся эта история со слиянием закрывается. Литий с твоих рудников в первую очередь идёт на реакторы врат, потом на всё остальное. Мои врата остаются открытыми для твоих поставок и для эвакуации. И да, Вить, я готов рассмотреть возможность льготного использования врат для твоих судов. Дальше: «Объединённый санитарный контроль» переходит под общее управление обеих корпораций, чтобы ни ты, ни я не могли использовать его друг против друга. А то, что я тебе показал, остаётся между нами.

Бахин выслушал всё, ни разу не перебив.

— Красиво, — сказал он. — А что получаю я, кроме обещания, что ты не сдашь меня совету? Ты сейчас перечислил то, что нужно тебе. Литий тебе нужен больше, чем мне врата. Без лития твои кольца встанут через месяц. Без твоих врат мои суда будут ходить дольше, но ходить будут.

— Не будут, — мягко возразил Потапов. — Все врата мои.

— Пока совет не решит иначе. — Бахин побарабанил толстыми пальцами по камню. — А совет сегодня думает о том, кто открыл двери «Поясу». Мне не нужно ничего доказывать, Олег Михайлович. Мне достаточно задать этот вопрос вслух.

— Да плевать я хотел на твой совет. Врата мои, и управляют ими мои люди. Перекрою их все, к чёртовой матери, и тогда мы посмотрим, как и на какой ноте запоёт совет.

Вот теперь они дошли до главного. Потапов видел это по тому, как Бахин замолчал и чуть подался вперёд, не сводя с него глаз. Вся предыдущая часть разговора нужна была, чтобы оба выложили карты и поняли, у кого какие. Теперь начиналась торговля.

— Ладно, чего ты хочешь? — спросил Потапов.

— Фронтир, — коротко ответил Бахин. — Четыре планеты. Мои рудники, моё оборудование, мои комбинаты. И чтобы люди, которые их у меня забрали, перестали ходить по галактикам с печатью твоего союзника.

Потапов покрутил бокал, глядя, как коньяк ложится по стенкам тяжёлыми тёмными дорожками. Он знал, что этим кончится, ещё когда садился в шаттл. «Пояс» сделал своё дело: три года держал «Рудкофф» в осаде на собственном фронтире, отвлёк его от врат, от акций, от совета. Теперь «Пояс» стал обузой. Договор, который казался удачным ходом, за одну ночь превратился в петлю на шее «Заслона», и единственный способ её снять заключался в том, чтобы отдать конец верёвки тому, кто сидел напротив.

— Договор с «Поясом» будет отозван, — сказал Потапов. — Сегодня же. «Заслон» сделает заявление: мы пошли на соглашение с организацией, которая представилась нам союзником в борьбе с заражением, и были обмануты. Совет получит данные о том, что вспышки начались в портах, через которые шли суда «Пояса».

— Это правда? — прищурился Бахин.

— Какая разница? Мои аналитики всё сведут к утру. Этого хватит. Правдой будет то, что мы скажем.

— А деньги?

— Какие деньги? — ровно спросил Потапов.

Бахин посмотрел на него ещё секунду, потом усмехнулся. Впервые за весь вечер по-настоящему, широко, показав крупные желтоватые зубы.

— Понял. Никаких денег не было.

— Никогда, — подтвердил Потапов. — А «Пояс» объявляется источником вторжения и врагом объединённых галактик. Его суда закрываются на всех узлах. Его люди ставятся в розыск. А что ты будешь делать со своими планетами, это уже твоя забота. Я мешать не стану.

Бахин помолчал, глядя на площадь. Над толпой всё так же горело «КТО ВПУСТИЛ?», и Потапов подумал, что к утру ответ на этот вопрос появится в каждой ленте. Простой и понятный, такой, который толпа сможет проглотить. Террористы с фронтира, которые обманули доверчивых корпоратов.

Самым удобным в этой лжи было то, что проверить её никто не сможет.

— По рукам, — сказал Бахин и протянул через стол широкую ладонь.

Потапов пожал её. Рука оказалась сухой, жёсткой и неожиданно горячей.

— Об одном только жалею, — произнёс Бахин, не отпуская его ладонь. — Что мы потратили на это столько лет.

— Ещё не поздно жалеть о другом, — ответил Потапов. — Например, о том, что мы не знаем, кто из нас сейчас говорит с другим.

Бахин отпустил его руку и поднялся. Постоял секунду у стола, застёгивая пиджак на тяжёлой груди.

— Если выяснится, что ты один из них, Олег Михайлович...

— Тогда ты узнаешь об этом раньше меня.

Бахин хмыкнул, кивнул и пошёл к лифту, всё так же неторопливо, будто весь мир по-прежнему успевал уступать ему дорогу.

Потапов остался один. Живой официант бесшумно убрал со стола стакан с водой и так же бесшумно исчез.

Где-то на Таргоне в эти минуты горел портовый район, и где-то там же работала группа капитана Горячева, который полторы недели назад от имени «Заслона» пожимал руку Нине Ковтун. Мальчишке придётся объяснить, почему его подпись под договором с утра больше ничего не стоит. Потапов допил коньяк и подумал, что этот разговор окажется ничуть не проще того, что только что закончился.

Глава 4

Огневое превосходство

Женщина в длинном пальто поднималась по склону первой. За ней тянулись остальные, по одному и группами, медленно, покачиваясь на каждом шаге, словно шли сквозь толщу воды. В ночном режиме визора они казались серыми тенями на сером асфальте, и только головы у всех оставались задраны вверх, к башням, где в окнах дрожали маленькие белые точки.

— Даш, что у тебя?

— Пробилась только в две башни из семи, у них аварийная сеть на собственном питании, — ответила она. — Объявление ушло всем, у кого визор ещё ловит. Часть людей свет погасила. А некоторые, наоборот, решили, что раз пришло оповещение, значит, за ними уже едут спасатели, и стали светить в окна ещё сильнее. До остальных пяти башен мне не достучаться: сеть там легла вместе с подстанцией.

Я смотрел на склон и прикидывал. От проспекта до первой башни около трёхсот метров. Белые шли со скоростью сонного пешехода, и Каин уже вывел мне цифру: девять минут до того, как первые доберутся до подъездов.

Оцепление стояло без света, с визорами в ночном режиме, и ни один ствол не смотрел в сторону башен. Отсюда достать их не получилось бы при всём желании, а пускать бойцов в зону я не собирался. В отличие от нас, защищённых нанитным улучшением, обычные люди заражались от первого прикосновения.

— Кость. — В канал вышел Мишка. Голос у него звучал быстро, на выдохе, будто он бежал. — Мы с Шуриком на крыше парковки за линией. Дроны подняли. Городских шесть, рекламных четыре, ещё три частных удалось намутить. Батарей на сорок минут, если не жечь прожекторы на полную.

— Сколько у них света?

— У рекламных хватит площадь осветить. Они под голограммы заточены, там лампы как на стадионе. — Он перевёл дыхание. — Слушай, у меня мысль. Они же на свет идут, так? На самый яркий. Давай дадим им свет ярче, чем эти фонарики. Повесим дроны под башнями, врубим прожекторы, а потом медленно поведём вниз по склону. Куда-нибудь, где нет людей.

Я посмотрел на карту, которую Каин держал у меня в углу визора. Внизу, у самой воды, лежала широкая бетонная площадь перед грузовым терминалом. Метров триста на двести, открытая со всех сторон, без жилых домов вокруг. Днём там разворачивались контейнеровозы.

«Каин, если поведём через склон, сколько спящих по пути зацепим?»

«На маршруте по камерам с автономным питанием отмечено около ста двадцати неподвижных меток. Свет прожекторов разбудит большую часть. По логике, они присоединятся к тем, кто уже идёт».

Значит, дроны соберут их в одно место. Всех, кто сейчас стоит по переулкам, у бордюров и фонарных столбов и тех, кто уснул на ходу. Как только Саня с Лёхой доставят подарки, жечь будет куда удобнее одну большую кучу на открытом бетоне, чем выковыривать белых из каждого двора.

— Миха, площадь у грузового терминала. Веди туда.

— Понял. Шурик, рекламные на тебе, они тяжёлые, их надо вести плавно. Городские мои.

Над крышами за линией оцепления поднялись огни. Сначала тусклые, навигационные, потом вспыхнули прожекторы, и тринадцать машин пошли над склоном к башням, держась невысоко, метрах в тридцати над землёй.

Карина стояла рядом со мной и молча следила за ними. Лейтенант тоже поднял голову.

Дроны встали полукругом у подножия ближних башен и развернули лучи вниз. На асфальт легли широкие белые пятна, так ярко, что ночной режим пришлось сбросить. После серого мира это ударило по глазам, и я на секунду прищурился.

Белые тоже замерли. Женщина в пальто остановилась посреди шага в полусотне метров от ближайшего подъезда. Медленно отвернулась от окон и уставилась на пятно света на асфальте, которое сияло ярче любого фонарика за стеклом. За ней разворачивались остальные. Без спешки, словно люди, которые услышали своё имя и не сразу поняли, откуда их зовут.

— Вроде работает, — выдохнул Мишка в канале.

— Веди их, — приказал я. — Только не спеши, чтобы не растерять по дороге.

Дроны потянули свет вниз по склону, метр за метром, и белые пошли следом. Процессия растягивалась вдоль проспекта, вбирая в себя всё новые фигуры, и шла к порту, туда, откуда явилась ночью.

Я смотрел без приближения. Склон уходил вниз в темноте, по нему ползли пятна света, и за каждым шла толпа, которая росла с каждым кварталом. Из тёмных переулков выходили новые фигуры, из дворов, из-за машин, брошенных посреди улицы. Те, кто уснул на ходу и простоял неподвижно последние полчаса, тоже присоединялись к демонстрации. Свет падал им на лица, они просыпались, поворачивались и вливались в общий поток.

«Число меток растёт, — доложил Каин. — Уже больше четырёхсот».

— Многовато, — тихо произнесла Карина, — Всех разом не накрыть.

— Чем больше соберём сейчас, тем меньше потом выковыривать по дворам, — отмахнулся я, проигнорировав последнюю фразу. Хотя мысленно уже искал выход из ситуации.

Она ничего не ответила.

Я снова посмотрел на башни. Огоньки в окнах никуда не делись. Люди внутри видели, как внизу проходят прожекторы, и кто-то стал размахивать фонариком ещё сильнее, решив, что это за ними. Дашка по-прежнему стучалась в две доступные башни, и в её канале то и дело проскакивали короткие отчёты: ещё один визор принял сообщение, ещё одно окно погасло.

И всё же не все белые ушли за дронами. У подъезда ближней башни, той, где первым загорелся фонарик, осталось несколько фигур. Они стояли у дверей, задрав головы к окнам, и не оборачивались на свет внизу. Двое уже были внутри: за стеклянной дверью холла медленно поднималась по лестнице белая фигура, а потом её скрыл пролёт.

«Сколько вошло?» — спросил я.

«По камерам на входах, работающим от автономного питания, в четыре башни из семи вошло девять белых. По трём оставшимся данных нет: камеры обесточены».

Девять, если считать только то, что видно. На деле могло оказаться и вдвое больше.

Я не стал ничего говорить вслух. Карина рядом со мной тоже молчала, и я знал, что она видит то же самое на своей карте.

— Кость, — Дашка вышла на связь, и голос у неё сорвался на первом слове. — Они внутри башен. Я вижу на камерах. Там люди...

— Знаю.

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Сейчас нет, — ответил я. — Если мы туда полезем ночью, со светом и с оружием, мы разбудим весь склон, и всё, что сейчас уходит к терминалу, развернётся обратно. Держи связь с теми, до кого достаёшь. Пусть закрываются в квартирах и сидят без света. Кто не будет светить, у того есть шанс.

В канале повисла пауза.

— Поняла, — тихо отозвалась Дашка.

Процессия внизу дошла до конца склона и вытекла на площадь перед терминалом. Дроны растянулись над ней кольцом в несколько уровней и развернули прожекторы так, чтобы свет падал в центр. Белые втягивались туда, как вода в воронку, толкались плечами, обходили друг

друга, останавливались и снова шли. Вскоре на бетоне стояла плотная серая масса, и в свете прожекторов она медленно колыхалась, будто дышала.

«Пятьсот двадцать три метки на площади, — сообщил Каин. — Поток заканчивается».

— Миха, держи их там.

— Держу. Только батареи тают быстрее, чем я думал. На полном свете продержимся ещё минут двадцать, потом всё.

— Свет можно убавить?

— Можно. Но тогда они начнут засыпать, а когда свет погаснет совсем, разбредутся, кто куда.

«Каин, что с расходом? Можно как-то перераспределить энергию?»

«Если снизить яркость на треть и сменять половину дронов по кругу, с отдыхом на краю площади, хватит на сорок минут. Дальше без новых батарей держать нечем».

— Шурик, — сказал я в канал. — Где ближайшие зарядные станции для городских дронов?

— В трёх кварталах отсюда, на крыше управы, — отозвался он сразу. — Но, Кость, если я начну гонять их на зарядку, я разорву кольцо.

— По одному. Самые разряженные. Ставь их на станцию, пока остальные держат свет. Нужно выиграть время.

— Понял.

Полтысячи белых стояли на бетоне, задрав головы к дронам. Ни один не двигался в сторону от света. Они просто стояли и ждали, пока свет решит, куда им идти дальше. Пока наша уловка работала, но вскоре они могут сообразить, что этот свет не означает жизнь. И тогда нам придётся туго.

Лейтенант рядом со мной медленно опустил ствол.

— Это ведь все, кто был в зоне? — спросил он, не отрывая взгляда от площади.

— Почти все, кого видят камеры.

— А остальные?

Я не ответил. Остальные стояли в подъездах башен и поднимались по лестничным пролётам, и пока мы ничего не могли с этим сделать. Не исключено, что часть продолжала прятаться по подворотням. Да и мы легко могли кого-нибудь пропустить. Так что впереди нас по любому будет ждать планомерная зачистка вручную. Впрочем, пока до этого ещё далеко. С этими бы разобраться.

В канале щёлкнуло, и в общий чат вышел Саня. На заднем плане что-то гремело, будто в кузове перекатывались тяжёлые ящики.

— Кость, взяли, — выдохнул он. — Продавец выгреб всё, что у него было, ещё и с соседней точки подтянул. Плазма, три огнемёта, термитные заряды и два ящика зажигательных гранат. Лёха за рулём. Будем у вас минут через двадцать.

— Гранаты на дроны встанут?

— На городские встанут, крепление стандартное, — вмешался Мишка. — На рекламные не знаю, у них подвес хлипкий. Посмотрю, когда приедут. Может, что-нибудь удастся приколхозить.

— Везите к парковке, где Мишка, — решил я. — Сначала дроны, потом всё остальное. Миша, скинь координаты.

— Понял, — бросил в канал Саня и отключился.

Я ещё раз посмотрел на площадь у терминала. Плотная серая масса в кольце прожекторов, пятьсот с лишним тел, которые ещё вчера были докерами, грузчиками и сменными операторами портовых кранов.

— Кари, двигаем к нашим, — бросил я.

Она лишь коротко кивнула и перемахнула через забор оцепления. На ходу добавила ещё две пули по коленям лежащему парню с белыми глазами.

***

Лёха загнал фургон на верхний ярус парковки так резко, что задние колёса пошли юзом по мокрому бетону. Едва машина встала, Саня тут же распахнул боковую дверь и полез внутрь, к ящикам.

Мы с Кариной поднялись следом по пандусу. Мишка с Шуриком сидели на краю крыши у самого парапета, спиной к нам, каждый со своим экраном. Над их головами в темноте мигали навигационные огни дронов, которые Шурик снимал с кольца на зарядку.

— Показывай, — кивнул я Сане.

Он откинул крышку первого ящика. Внутри в фигурных ложементах лежали гранаты, тупорылые, в серых корпусах с жёлтой маркировкой.

— Термобарические с зажигательной начинкой, — пояснил он. — Продавец клялся, что после такой на месте остаётся одна сажа. Двадцать четыре штуки здесь и во втором ящике ещё двадцать.

Лёха тем временем вытаскивал из фургона длинные свёртки в брезенте и раскладывал их на бетоне. Две плазменные винтовки, облегчённые, с короткими стволами. Три ранцевых огнемёта, старых, с потёртыми баками. Пачка термитных шашек.

— Плазмы мало, — заметил я.

— Сколько было, — пожал плечами Лёха. — Зато батарей к ним по шесть штук.

Мишка обернулся от парапета, глянул на гранаты и тут же подтянул ящик к себе.

— На городские смогу повесить по две. Крепление стандартное, под груз доставки. Сбрасываем по команде с высоты метров сорок, чтобы дрон не зацепило. Рекламные пусть держат свет, их подвес такое не выдержит.

— Сколько по времени? — уточнил я.

— Минут пятнадцать на всё, если Шурик поможет.

Я подошёл к парапету и посмотрел вниз. Площадь лежала в полукилометре от нас, как на ладони. Кольцо прожекторов, приглушённых на треть давала возможность рассмотреть картинку во всей красе. В центре плотная серая масса, которая медленно колыхалась. Отсюда, без приближения, она походила на огромную лужу, вылитую на бетон, которая продолжала шевелиться.

«Каин, выходы с площади. Анализ».

На карте подсветились три линии. Два узких проезда между складскими рядами, метров по пятнадцать шириной, и набережная вдоль воды, широкая, открытая, уходившая к соседнему причалу.

«Если ударить в центр, куда они пойдут?»

«Огонь даст свет и жар. Свет разбудит всех, кто начал засыпать под ослабленными прожекторами. Жар погонит их от центра. По опыту "Монолита" они уходят от источника жара всей массой сразу, а не врассыпную. Основная часть пойдёт туда, где проще пройти. Наибольшая вероятность — на набережную. По проездам меньше, но пойдут и туда».

Значит, пятьсот с лишним горящих тел разом рванут к выходам. И если хотя бы десяток из них прорвётся в портовые кварталы, всё, что мы сделали этой ночью, пойдёт прахом. И не факт, что у нас получится провернуть всё это ещё раз.

— Слушать всем, — объявил я в общий канал. — Площадь закрываем мешком. Три выхода, на каждом огонь.

На общей карте у всех подсветилась широкая полоса у воды.

— Набережная. Туда пойдёт основная масса. Лёха, Саня, у вас два огнемёта и плазма. Первую струю под ноги передним, на асфальт. Горящие упадут, и они вместе с полосой огня станут стеной, о которую споткнутся остальные. Дальше бьёте поверх, по тем, кто полезет следом.

— Понял, — хмыкнул Лёха.

— Западный проезд мой и Карины. Огнемёт и вторая плазма.

— Восточный? — уточнил Саня.

— Гарипов.

Я открыл канал на подполковника. Тот ответил сразу, будто держал связь открытой всё это время.

— Капитан, — откликнулся он.

— Подполковник, мне нужно отделение с вашей линии. Восточный проезд от терминальной площади к складам. Огнемёт и термитные шашки мы дадим. Задача простая: всё, что выйдет из проезда, должно гореть.

Гарипов помолчал секунду.

— Я видел записи с проспекта, — произнёс он. — Отделение будет. Командир — лейтенант Тарасов, вы с ним уже знакомы.

Тот самый лейтенант с узким встревоженным лицом. Я не стал спорить.

— Миха, Шурик. Первый удар в центр, всем, что успеете подвесить. Потом дроны не уводить. Держите их над площадью и выходами по кругу, и бейте по любому скоплению больше пяти тварей, особенно там, где они упираются в наши позиции. Свет на ударных не включать, работать по тепловизору или ПНВ. По ситуации, в общем. Рекламные дроны пусть держат прожекторы, пока я не скажу погасить.

— Ясно, — отозвался Мишка, не отрываясь от гранаты, которую крепил под брюхо дрона.

— Даш, Марта. Держите связь со всеми тремя точками и с Мишкой. Где копятся, туда наводите дроны. Если где-то прорыв, мне нужно знать раньше, чем я его увижу.

— Приняла, — ответила Марта.

Лёха и Саня уже грузили свой огнемёт и плазму обратно в фургон. Карина подняла ранец, проверила давление на манометре и закинула его на плечи. Я взял плазму и пачку батарей.

— Миха, дай нам двенадцать минут, чтобы выйти на позиции.

— Да хоть двадцать. Работаю по команде.

Я кивнул, и мы с Картной спустились к машине.

До площади ехали по тёмным улицам без света. Лёха вёл по ночному режиму визора. На каждом повороте я видел силуэты спящих белых, которых не зацепило светом дронов. Они стояли у дверей и бордюров, а один застыл посреди перекрёстка, наклонив голову. Лёха объезжал их по широкой дуге, не сбавляя скорости, и ни один не шевельнулся.

У поворота на западный проезд мы с Кариной вышли. Фургон ушёл дальше, к набережной.

Проезд между складами оказался узким и тёмным: высокие глухие стены с обеих сторон, наверху полоска неба. В дальнем его конце, метрах в восьмидесяти, светилась площадь, и на её краю стояли белые, повернувшись к нам спинами и задрав головы к дронам.

Мы двинулись к выступу складской стены, за которым я наметил позицию. До него оставалось шагов двадцать, когда двое у самого края площади вдруг опустили головы и обернулись. Медленно, синхронно, словно их кто-то окликнул из проезда. И хоть мы стояли в темноте, они явно смотрели прямо на нас. А затем вдруг отделились от толпы и двинули в нашу сторону.

«Двое, — подсветил Каин. — Шестьдесят метров».

Плазма в узком проезде полыхнула бы так, что подняла бы всю площадь. Я молча вытащил из кобуры пистолет, Карина тоже.

Мы выстрелили почти одновременно. Сухие хлопки ударили по стенам проезда, отразились и покатились к площади. Первый белый сложился на подломившейся ноге и рухнул на асфальт. Второй качнулся, сделал ещё шаг на перебитом колене и повалился следом. Оба тут же поползли к нам, волоча ноги.

А вслед за выстрелами зашевелилась вся площадь. По серой массе на краю прошла волна. Головы поворачивались от дронов к проезду, пока на нас не уставились десятки пустых лиц. Масса качнулась, и несколько фигур отделились от неё и побрела в нашу сторону.

— Миха, нас заметили, они пошли на западный проезд. Бей сейчас.

— Кость, у меня готовы четыре машины из шести!

— Бей тем, что есть. Лёха, Тарасов, начинаем раньше. Готовность ноль.

— Готовы, — коротко ответил Лёха.

— Дайте минуту, я почти на месте.

— У нас нет минуты. Работаем! — повторил приказ я.

Мы с Кариной добежали до выступа. Она сняла огнемёт с предохранителя и положила ствол на кромку стены. Я вставил батарею в плазму и отступил на пару шагов в сторону, чтобы её струя не перекрывала мне сектор.

«Дистанция до выхода восемьдесят метров. Плазма эффективна до двадцати пяти. Огнемёт до тридцати. Ждать их на последней трети проезда», — вставил свои пять копеек Каин.

Над площадью четыре городских дрона вышли из кольца и пошли к центру, чуть ниже, чем держались до этого. Метрах в сорока над головами белых они на секунду зависли ровным рядом, будто кто-то подвесил их на нитке. А потом от каждого вниз отделились две маленькие тёмные точки.

Первая вспышка ударила так ярко, что визор на мгновение ослеп. Следом пришёл звук, глухой и тяжёлый, будто кто-то хлопнул ладонью по огромному барабану. Над площадью встало оранжевое облако и тут же раскатилось вширь, накрывая серую массу. Остальные вспышки шли так плотно, что слились в одну. Жар дошёл до нас даже сюда, через восемьдесят метров проезда, и ударил в лицо горячим ветром.

Площадь мгновенно превратилась в филиал ада. И вся масса тварей тут же пришла в движение.

Я видел это в проёме проезда, на фоне огня. Горящие фигуры выходили из пламени во все стороны, даже не пытаясь сбить с себя огонь, и двигались они гораздо быстрее, чем до удара. Свет разбудил всех, жар гнал прочь от центра, и плотная толпа, которая только что стояла в кольце прожекторов, разваливалась на потоки, расползаясь к краям площади.

«Набережная, — сообщил Каин. — Основная масса. Около двухсот. Восточный проезд около восьмидесяти. Западный около семидесяти».

Семьдесят на нас двоих. На десяток больше, чем выходило по расчёту: выстрелы потянули к нам лишних.

— Миха, на набережную, — бросила Марта. — Там голова колонны, человек сорок плотно.

Над водой полыхнула очередная вспышка, потом вторая, и почти сразу за ними донёсся гул огнемётов Лёхи и Сани.

Наши твари уже шли по проезду. Двое подстреленных так и ползли впереди, а за ними, нагоняя, шли горящие. Те, кого зацепило в центре. Огонь сидел на них плотно, на одежде, на волосах, на коже, и освещал стены переулка. Двигались они неровно, спотыкаясь на ровном месте. За ними, плотнее, шли те, кого огонь не достал, но разбудил. У самого въезда в проезд они сбились в пробку, давя друг друга плечами.

Над этой пробкой бесшумно встал дрон. Две тёмные точки ушли вниз, и вход в проезд залило огнём от стены до стены. Тех, кто шёл в хвосте, накрыло целиком. Передние уже прошли дальше. Их это не остановило.

Я дождался, пока первые дойдут до отмеченной Каином трети проезда, и кивнул Карине. Она тут же нажала на спуск. Огнемёт глухо ухнул, и струя легла под ноги передним, от стены до стены. Жидкий огонь растёкся по асфальту полосой. Первые ряды вспыхнули целиком, прошли ещё пару шагов и повалились прямо в огонь. Те, кто шёл за ними, упёрлись в горящие тела и полосу пламени, начали спотыкаться, падать, лезть друг на друга. Они пытались развернуться, но задние давили, пытаясь вырваться из эпицентра. Кажется, роевой разум впервые дал сбой. И я это отметил.

Я выстрелил по тем, кто лез поверх. Плазма ушла в проезд раскалённым жгутом и на двадцати метрах развернулась конусом. Накрыла троих сразу. Они вспыхнули, как сухая ветошь, и через полторы секунды на месте белых тел остались лишь чёрные скелеты, которые повалились вперёд, на горящую кучу.

Карина подлила огня в полосу, не давая ей прогореть. Я добил плазмой тех, кто сумел перебраться через завал.

Жар в проезде стоял уже такой, что я чувствовал его через куртку. Дым поднимался к полоске неба над стенами густым жирным столбом, и запах шёл тот самый, который я помнил с шестнадцатого горизонта «Монолита». Горелое мясо и что-то сладкое, химическое.

Дышать становилось всё тяжелее. Огонь в узком коридоре между стенами жрал воздух быстрее, чем его успевал приносить ветер с воды, и каждый вдох выходил коротким, обжигающим, будто я дышал через раскалённую тряпку. Горло саднило, в груди тянуло, а лёгкие никак не могли набрать столько, сколько просило тело.

«Насыщение крови падает, — сообщил Каин. — Запустил подпитку, но долго это не продлится. Отойдите от завала хотя бы на десяток метров».

Отходить было некуда: за выступом проезд сворачивал к складу, и там нас бы просто отрезало. Карина рядом тоже дышала часто и ртом, но огнемёт из рук не выпускала.

«Шестой выстрел, — отсчитывал Каин. — В проезде двадцать семь целей в движении. Двадцать две горят».

Один из горящих перебрался через завал и вырвался вперёд. Высокий, в рабочем комбинезоне докера, весь в огне от плеч до колен. Он шёл прямо на нас и уже оказался в пятнадцати метрах.

Слишком близко для плазмы. Я опустил ствол.

Карина встретила его струёй в упор. Огонь накрыл его целиком, с головы до ног, но он прошёл ещё несколько шагов, будто ничего не почувствовал. Потом ноги под ним подогнулись, и он рухнул на колени в трёх метрах от нас. Постоял так, горя, покачнулся и завалился набок, продолжая медленно скрести пальцами асфальт.

— Перезарядка, — бросил я, выщёлкивая пустую батарею.

— Прикрываю.

Она держала струю на завале, пока я вставлял новую батарею. Бак у неё на спине становился легче с каждой минутой, это читалось по тому, как она держала ранец.

— Тарасов, прорыв! — голос Марты в канале сорвался. — Восточный проезд, трое вышли за линию!

Я ничем не мог ему помочь. Восточный проезд лежал за двумя складскими рядами отсюда.

— Термит. Тарасов, шашки им под ноги, на асфальт, — бросил в канал я.

Ответа не пришло. Только в канале оцепления, который Каин дублировал мне, прорвались короткие команды, выстрелы и чей-то крик. Потом глухой хлопок и голос Тарасова, хриплый, сбитый:

— Взяли. Двоих термитом, третьего догнали плазмой у склада. Чисто.

— Держите линию.

— Есть.

Наш проезд догорал. В проёме на фоне площади ещё двигались несколько фигур, но уже не толпой, а по одной. Горящие, шатающиеся, с подламывающимися ногами. Я снял двоих, Карина достала последнего — и проезд наконец опустел.

«В секторе движения нет, — сообщил Каин. — На площади остаточное горение».

Я опустил ствол и отступил за поворот, туда, где с воды тянуло свежим воздухом. Первый нормальный вдох ворвался в горло так, что я закашлялся. Руки слегка дрожали, и я не сразу понял, что от жара: плазма в узком проезде грела не только цели.

Карина отошла следом. Лицо у неё блестело от пота, на лбу и щеках темнели полосы копоти, и дышала она так, будто пробежала несколько кварталов в гору. Она сняла ранец, глянула на манометр и усмехнулась одним углом рта.

— Почти пустой.

— Лёха? — позвал я в канал.

— Держим, — пробасил он. Голос у него звучал устало и спокойно. — У воды пёрли толпой. Мишкины дроны их хорошо проредили, иначе бы нас смяли. Человек двадцать ушли в воду сами, когда горели. Остальных пожгли. Саню слегка зацепило, рукав горел, потушили. Живой.

— Нормально всё, — буркнул Саня где-то рядом. — Куртку только жалко.

Над площадью всё ещё кружили дроны. Мишка вывел мне картинку с одного из них, и я увидел то, что осталось от серой массы. Широкое чёрное пятно на бетоне, ещё дымившееся, в котором угадывались очертания тел, слипшихся в одно. По краям пятна там и тут ещё что-то шевелилось, медленно и без направления. Дроны висели над этим шевелением, и стоило где-то собраться нескольким фигурам, как сверху падала граната.

— Миха, дожигай площадь до бетона, — сказал я. — Всё, что осталось, туда. А потом раздвигай круг на весь порт. Ни одна тварь не должна уйти. Саня, Лёха, как закончите у себя, двигайте чистить переулки. Мишка — ваши глаза.

— Сделаем, — отозвался Косой. — Сейчас Шурик второй ящик на подвес закинет, и я снова в строю.

Над площадью полыхало, пока чёрное пятно не превратилось в сплошное пламя от края до края. Когда огонь начал опадать, шевеления там больше не осталось. Дроны поднялись выше и разошлись над портом широким кругом, медленно, как стервятники над полем.

Я стоял у поворота, где асфальт ещё дымился под ногами, и смотрел на склон над портом. Там в темноте стояли семь жилых башен. В двух из них ещё горели огоньки в окнах, а в остальных окна давно погасли.

И где-то на их тёмных лестницах сейчас поднимались белые, которых не увёл свет.

Я повернулся к Карине.

— Перезаряди огнемёт и бери термит. Идём к башням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.